

**РУССКАЯ
ВЕСНА**

АНТОЛОГИЯ ПОЭЗИИ

Коллектив авторов

Русская весна. Антология поэзии

«Книжный мир»

2015

авторов К.

Русская весна. Антология поэзии / К. авторов — «Книжный мир», 2015

ISBN 978-5-8041-0780-3

Эта книга – первая, а потому, понятно, далеко не полная и далеко не совершенная попытка представить нынешнее пробуждение Русского мира в отражении отечественной поэзии. Пробуждение тяжёлое, во многом трагическое, но одновременно – радостное, дарующее надежду на лучшее не только русскому народу, но и всему человечеству, переживающему тяжелейший со времен Второй мировой войны кризис. Не случайно годовщина начала «Русской весны» практически совпала с 70-летием Великой Победы 1945 года, а одним из символов её стала оранжево-черная «георгиевская» лента – лента ордена святого Георгия Победоносца. В этой книге голоса уже известных поэтов сливаются с голосами самого народа, создавая удивительную и прекрасную симфонию не только Победы, но и воскресения России для жизни вечной. Все доходы от издания книги будут переданы в фонд помощи жителям Донбасса, пострадавшим от военных действий.

ISBN 978-5-8041-0780-3

© авторов К., 2015
© Книжный мир, 2015

Содержание

Предисловие	7
Владимир Винников. Поэзия Русской Весны	7
Сергей Арутюнов. Очевидное о невероятном	10
Предчувствие	14
Светлана Сырнева	15
Прописи	15
"Корка хлеба ржаного, стакан молока"	16
Олег Бородкин. Восток и Запад	17
Иосиф Бродский. На независимость Украины	18
Андрей Домбровский. "Пока пурга звенит всё ниже..."	20
Николай Зиновьев	21
"У карты бывшего Союза..."	21
Не замай!	21
Георгий Судовцев. Вторжения	22
Сергей Загатин. "В сон после лета..."	23
Майдан, Одесса, Крым, Донбасс...	24
Наталья Лясковская. «Незатёртых слов боезапас...»	25
Александр Ананичев. Наша правда	30
Сергей Арутюнов	31
"В лучистом детстве, как на облаке..."	31
"Шептали ль мы на дне изрытом..."	32
"Только зиму и помню..."	32
"Туда, где беспечное солнце блудит..."	33
"Дёрнешь «Примы» за магазином..."	33
Россия	34
"Там, где жгут мои книги..."	35
Русской весне	35
"Когда их жгли, в Москве была жара"	36
"Судьбу просиживая сиднями..."	37
"Теперь не до танцев, милая"	37
Моему Донбассу	38
"Пристанционным дребезгом звуча"	39
Ирина Белоколот. Бывшей подруге	40
Иван Белокрылов. Баллада о пономаре	41
Галина Березина. "Поутру, по огненному знаку..."	42
Любовь Березина. "Собакою завыл снаряд..."	43
Владимир Берязев. "Это путь от ножа до ножа..."	44
Никита Брагин. "Принеси же из стольного Киева..."	45
Максим Бурдин. "Иногда, возвращаясь с прогулок..."	46
Александр Вулых. Еще раз о покаянии	47
Максим Замшев. "Не хочу я, чтобы Балаклава..."	48
Игорь Караулов. «Назовите молодых поэтов...»	49
Виктор Кирюшин. Донбасс 2014	50
Ирина Ковалева. Украина	51
Алексий Космос. "Горит земля в дебальцевском «кармане»..."	52
Марина Красильникова. "Я была ученицей примерно..."	53

Марина Кудимова. Ватники	54
Бабка Лидка[2]. Прощание Славянска	55
Наталья Лясковская. "А вдруг это не я убита под Донецком..."	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Русская весна. Антология поэзии

Книга издана на личные средства писателя, публициста – Алексея Владимировича Кочеткова.

Все средства от коммерческой реализации данного издания пойдут на адресную помощь, пострадавшим от гуманитарной катастрофы на Донбассе.

Алексей Владимирович Кочетков, авторы, издательство выражают огромную признательность поэтессе Екатерине Ждановой за идею создания данного поэтического сборника и подвижническую работу над ним.

© Владимир Винников, составление, предисловие, 2015

© Книжный мир, 2015

* * *

Посвящается памяти русского писателя, поэта, публициста и просто замечательного человека Олеса Бузины

Предисловие

Владимир Винников. Поэзия Русской Весны

Именно так, все слова – с большой буквы.

Пишу эти строки в пасхальную неделю 2015 года. И, наверное, именно в этот день яснее понимается, отчетливее видится главное: всё, что происходит в нашем, разделенном, рассеченном, страдающем, гибнущем и воскресающем в междоусобной брани Русском мире, – конечно, Голгофа. Для всех и для каждого.

*Шаг за шагом и день за днём —
неуверенно, робко, слепо —
мы восходим на небо своё,
неприметное издали небо...*

Все мы, даже не понимая этого, повторяем путь Христа, а тот, кто не делает этого, сходит, сам переступает с этого пути и преграждает путь другим, – становится преступником, предателем, иудой. Война идёт не на Украине, не в Новороссии, не на Донбассе – она происходит в каждом из нас. И происходит не только сейчас, а долгие-долгие годы, века, даже тысячелетия. А время – что время? И тысяча лет у Бога как один день, и один день – как тысяча лет.

Что, впрочем, вовсе не отрицает конкретных обстоятельств места и времени. Привязки к истории с географией.

Разрыв на части единой страны в 1991 году, смена не только государственной вывески, но и всего уклада жизни, её ценностей и смысла, – всё это было не только болезненно, мучительно и страшно, иногда – до смерти. Это было еще и неожиданно. Никакой «шоковой терапии» – шок в чистом виде. Для поэзии, которая всегда была нервом своей эпохи – тоже. По моим личным ощущениям, русская поэзия в 90-е годы переживала именно состояние болевого шока. Кто-то орал благим матом, кто-то онемел, а кто-то, получив грантово-долларовый наркоз, распевал что-то весёлое и похабное... Но в целом поэзия стала никому не нужна: говори ты хоть в рифму, хоть без – всё это слова, слова, слова... А решали всё деньги, «бабло», которое побеждало всё вокруг...

Ясно было, что такое состояние – надолго, но не навсегда. Ну, просто не может навсегда умолкнуть, утратить поэтическую связь с высшими сферами бытия наш народ, наша страна, всегда бывшая Отечеством Слова.

И сегодня «возвращение поэзии», заявленное мной еще в 2003 году, стало бесспорной реальностью. Бесспорной – в связи с государственным переворотом на Украине, воссоединением Крыма с Россией и гражданской войной, развязанной киевской хунтой против восставшего Донбасса...

Поэтическое слово не могло не пойти на войну. Эта закономерность не случайна и постоянно повторяется в истории, что замечено еще Львом Гумилёвым: «Появились саги и поэзия скальдов – сравним плеяду арабских поэтов перед проповедью Мухаммеда и в его время. Или Гомер и Гесиод накануне эллинской колонизации... С движением викингов, противопоставившим себя оседлым и зажиточным хевдингам, связано возникновение скальдической поэзии около 800 г.» То есть литература в целом и поэзия в особенности – род воинского искусства. И «поэт во стане русских воинов» – не случайность, а неизбежность и необходимость...

Один из героев этой книги, поэт Юрий Юрченко, который из Парижа отправился добровольцем-ополченцем на Донбасс, свидетельствует: «Я хотел сначала взять позывной «Поэт», но мне сказали: «У нас уже есть три поэта, четвертого мы не потянем»...

Понимают это и наши, выражаясь языком российского президента, «партнеры». И западные, и украинские. В прошлом году в Соединенных Штатах издали – на русском языке – поэтический сборник «НашКрым», включивший в себя произведения более чем сотни авторов, проживающих ныне по всему земному шару. «Сверхидея» сборника понятна и проста: Крым – настолько чудесное сокровище, что должен быть достоянием всего человечества, а потому он не может быть «Крымнаш», русским, российским Крымом. Этот малотиражный, в общем-то, поэтический проект – благодаря гигантской рекламе в глобальных масс-медиа и в интернете – прогремел на весь мир.

«Позиция составителей антологии в отношении «крымского вопроса» достаточно чёткая – путь, которым Крым стал частью Российской Федерации, для них неприемлем», – восхищался «Голос Америки»...

Данила Давыдов на «Радио Свобода» расставлял точки над «i»: «Было очевидно, что поэты должны совершить какое-то действие по отношению к политическим глупостям, происходящим в этом мире. Просто обидно, когда некоторые из представителей поэтического сообщества принимают некоторые из политических позиций: либо украинскую, либо российскую, – за истину в последней инстанции (притом, что сам я в целом на стороне Украины). Поэты, пишущие на русском языке, в некотором смысле морально обязаны ответить на это, объяснив, что Крым всегда был территорией свободы, территорией любви, всегда был местом, не зависящим ни от чего».

Замечательно звучит, не так ли? А, кроме Крыма, есть ведь еще и не менее чудесные Дальний Восток с Сибирью, или Кавказ с Уралом, – на которые так же свободно и легко можно распространить логику «всечеловечности». Как пишут в сети сторонники «сибирской автономии» и «дальневосточной независимости»: «Для нас американцы не зло, а как раз избавление от московских оккупантов...»

Но попробуйте ту же «всечеловечную» логику применить, скажем, к Фолклендским островам или к Гибралтарской скале, не говоря уже про острова Гавайские, базу Гуантанамо, или там Аляску... Нет, только Югославия и Ирак, Ливия и Сирия, Чечня и теперь вот – Украина...

А у меня на столе лежит объёмистый синий том «У времени на юру» – с пояснением «История Крыма в русской поэзии». Готовился еще при украинских властях, издан уже в 2014 году, при российских. В тех условиях – несомненный подвиг автора проекта Людмилы Корнеевой, а в нынешних... Трудно ли было перед изданием сборника включить в него отрывок из «Слова о полку Игореве»:

*«Солнце ему тьмою путь заступаше;
нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди;
свистъ зверинъ вѣста,
збися див,
кличетъ врѣху древа,
велитъ послушати – земли незнаеме,
Волзе,
и Поморию,
и Посулию,
и Сурожу,
и Корсуню,*

и тебе, Тьмутараканьский блъванъ!»

Или это – не поэзия? Или она – не русская? Сурож – это нынешний город Судак, Корсунь – древний Херсонес, около Севастополя. Если не помнить об этом, то получится, что Крым русские «завоевали» только в XVIII веке, антология начинается с оды Гавриила Державина «На присоединение Крыма». И не было ни крещения Владимира Святославича в Херсонесе, ни Тьмутараканского княжества с Мстиславом Удалым, уже Пушкиным преображенного в сказочное Лукоморье...

Я слышал «поэтов Майдана», в стихах которых звучали железные ноты «Хорста Веселя», слегка повитые «трояндами» и «барвинком». Я слышал, как Майдан пел «Ще не вмерла Украина...» Теперь я, и не только я – уже весь мир точно знает, что культ смерти спаривается с культом «еврокарго», и что рождается на свет под гарь и копоть горящих шин...

Украинский конфликт, гражданская война на Украине – заново поставили вопрос о Большой России, о Русском мире, о русской цивилизации. На этот вопрос ищут и пытаются дать ответы все авторы антологии «Русская весна». Собственно, их стихи, а также связанные с их стихами и с ними самими материалы: беседы, статьи, мемуары, – и раскрывают понятие «Русской весны» применительно к поэзии.

Для каждого из четырех разделов книги дополнительно написано небольшое собственное предисловие, поясняющее их содержание и взаимосвязь.

В добрый путь, читатель!

Сергей Арутюнов. Очевидное о невероятном

Я уже вижу эту главу в школьном учебнике истории:

«В начале 2014 года на Украине при поддержке США и стран Евросоюза произошел вооруженный государственный переворот (т. н. «киевский Майдан»), в результате которого...

На волне революционной эйфории в Раде зазвучали открыто националистические заявления, целью которых был полный идеологический и экономический разрыв отношений с...

Под угрозой – вплоть до запрета – оказался статус русского...

Весной, в результате всеобщего референдума, абсолютным большинством голосов за вступление в состав России высказался...

Первое с 1991 года присоединение территорий вызвало в российском обществе массовый подъем, получивший название...

Практически бескровная операция по вхождению Крыма в состав России убеждала в том, что вес страны на международной арене...

Это послужило сигналом к действию для «пятой колонны»: российские публицисты либерально-западнического толка развернули настоящую атаку на...

Признание Россией результатов крымского референдума стало также поводом для экономических санкций со стороны «цивилизованных стран», возглавляемых...

Юго-восточные области Украины, Донецкая и Луганская, граничащие с Россией, высказались за... от тактики захвата местных администраций сторонники автономии перешли к формированию боевых...

Киев, подталкиваемый США, начал массированные силовые акции в... обобщенно названные «антитеррористической операцией» (АТО), регулярно применяя против «террористов» фронтовую авиацию, тяжелую артиллерию, средства массового... Число жертв АТО со стороны мирного населения и украинской армии в короткие сроки выросло до...»

...Сухой язык фактов, обобщений – что может он передать, какое чувство? – при виде окровавленных, разорванных надвое женщин, подростков, грудных детей и торжествующе-озлобленных комментариев под их фото – «с той стороны»?

Молодые «укры», скачущие над трупами свой антропофагический гопак – как забыть их? Одесскую трагедию, малазайский лайнер?

Как смириться с потерей друзей, перешедших, перебежавших, перетекших – «туда», беснующихся, проклинающих, на глазах сходящих с ума, верящих в любую фантастическую ложь?

Как простить прозвища «ватники», «колорады», «ордынцы», присвоенные целой стране, попирающие то общее, через которое вместе прошли по кровавой дороге Великой Отечественной?

Как, не беря напрокат затёртые выражения «исторической науки», описать вопль, исторгшийся из славянства (да только ли его!) при виде городов, уничтожаемых с земли и с воздуха под бодрые реляции об «уничтожении гидры сепаратизма»?

...Есть иной язык. Переливчатый, сложный, не дающийся тем, кто привык к глумливым «белоленточным» агиткам столичных любимцев, сменившим родовые фамилии на русские.

Есть язык боли, на котором наша поэзия говорила всегда, но только не в последние годы, когда эти самые любимцы и их присные вытеснили из литературной печати всё, что не соответствовало либеральной картине мира, в которой центральное место занимает мировой гегемон – Соединенные Штаты Америки и их «национальные интересы».

Говорить на языке скорби и отчаяния практически невозможно, но именно сейчас только на нём и следует говорить. И такая практика – не «новая искренность», флагом которой долго

махали перед нашими глазами блудливые скоморохи всех мастей, чуть что бегущие извиняться за нас и получать зарплату к американскому посольству, но единственная вменяемая практика поэзии, возможная в период войны.

Лично мне было практически невозможно откликаться. Информация обрушивалась бетонными плитами. Казалось, что лежишь под тысячетонным грузом взорванных ракетами домов, и лишь на периферии сознания пытаешься осмыслить, вскричать – как это могло случиться? Кто истребил наше братство, и – было ли оно? Не наступили ли последние дни, когда развеиваются и больше никогда не приходят спасительные иллюзии о добре, чести, воле, блоковских «подвигах и славе»?

Почему ты не в ополчении? – в тысячный раз задавал я себе один и тот же вопрос. Ответ на него каждый раз убеждал меня в том, что я трус и подлец, и это ощущение уже никогда не пройдет.

А лето тащилось кривыми тропками, взлетало в пене на гребень информационных волн. Трудились пропагандисты и контрпропагандисты, выходили статьи и колонки, сплошной чередой неслись траурные новости. Что я осознавал, кроме растерянности и личной подлости? Например, то, что ежегодного катастрофического августа в 2014-м уже не понадобится: война подобралась так близко к отчету порогу, что стоит приоткрыть окно, и услышишь канонаду за московскими корпусами.

Так же, как в маленьких городках, затерянных в благодатных когда-то бывшей братской страны, этим летом мы выходили гулять с детьми, а открывая Facebook и Vkontakte, читали военные сводки. И это впервые с 1940-х гг. было – о нас. Русскоговорящие с шевронами ДНР и ЛНР против русскоговорящих с погонами Украины, против их танков, гаубиц, пикировщиков.

Сборы средств, палатки у метро, пластиковые ящички, в которые мы, возвращаясь с работы, опускали купюры и мелочь.

Война пришла к нам тем, что мы поняли, как это могло бы быть, если бы мировой доминион обрушил на нас всю свою мощь еще в 1990-х гг., если бы российское руководство не шло тогда у него на поводу, а подняло бы флаг сопротивления. Если бы так случилось, в точно таких же руинах лежали бы наши города, в точно таких же безымянных могилах покоилось бы до трети нашего населения.

Россия пала иначе: тихо, благородно, избегая скандала в благородном мировом семействе. Пылали окраины Союза, поднимал голову национальный сепаратизм, заботливо выращенный прямо у нас в сердце теми же незаметными служаками – американскими военными советниками.

Те из нас, что пытались говорить о падении страны, немедленно объявлялись фашистами.

Я – молчал. Был молод, ветрен, попросту глуп и верил всему, что говорил гусинско-киселевский телевизор.

Прошло двадцать лет, точнее, 23. Странное, зловещее число...

Раскол российской интеллигенции, или того, что имеет дерзость так себя называть после предательства собственного народа в 1990-х гг., был предсказуем. Его можно рассматривать как маленькое, но значимое следствие «политических разногласий» российских и украинско-проамериканских элит.

Отстраненный скажет – в борьбе двух пропаганд не бывает правых. Да, это так. Но вправе ли отстраняться от войны тот, кто чувствует себя частью этого мира? Какую сторону принять там, где брода нет и быть не может? Или всё-таки – есть и брод, и компромисс, когда фигура в фашистской форме вскидывает руку к груди, когда зажигаются факелы, когда орут – «на ножи!» – тебя, твоих дедов, прадедов и детей?

Поэту не обязательно принимать ту или другую версию происходящего.

Как проводнику мировой боли, ему следует чувствовать одно – человеческое страдание. Во времена мира поэт корчится оттого, что боль настигает его повсюду даже среди цветущих

лугов и порхающих бабочек. Поэт не властен над своим ощущением вины за то, что мир наш стоит криво. За то, что он готов в любой момент разразиться раскатами войны, и непрочен, поскольку уродует сам себя взаимной ненавистью, всепоглощающей жадностью сильных и бесильной злобой слабых.

Наш мир, фарисейски терпящий злодеяния, произносящий пафосные речи и душащий не согласных с ними, подлый, прогнивший и продолжающий уродовать подрастающие поколения своими неустрашимыми противоречиями, обречен уже потому, что в нем нет ни высшей справедливости, ни элементарного порядка.

Самое страшное в нем – равнодушие не лично к нам, но к явному и неоспоримому злу.

Была ли у послевоенного мира совесть? Или годами, десятилетиями он только врал, а по ночам обывательски трясся в страхе перед северным гигантом, разлившимся по земле от Балтики до Тихого океана?

Было ли в мире – добро? Христианин ли он, перемальвающий любую новостную жвачку?

И что есть наша правда – империи или человеколюбия? С Христом ли мы сегодня или против него? Кто и что победит, когда никакая победа уже никогда не искупит принесенных жертв?

Зовом поправленной справедливости и человечности вызваны к жизни строки этой книги.

Комментировать их нет сил.

Я, наверно, впервые отказываюсь оценивать, чьи строки талантливее, кто удачнее выразил весь этот ужас.

Я не назову ни одного имени, все они перед вами, а многих в этой книге нет, потому что это стихи ограниченного нашим кругозором круга лиц. Есть среди них поэты крупные, есть начинающие. В одном я убежден – эти люди, отозвавшиеся на трагедию, далеко не худшие представители русской интеллигенции. Потому что эти стихи, мятущиеся, угловатые, седые от нахлынувшей тоски, – молятся за всех убиенных.

Эти стихи не о войне, потому что стихи не могут быть о войне. Военной лирики нет именно потому, что лирика не может быть об уничтожении людей.

Эти стихи – о наших душах, подвергшихся насилию войны.

И может быть, сегодня, в огне и крови, будет сформирован костяк будущей нравственной элиты России, или... или мы опять проиграем, потому что нас расколют, заживо, на века вперед погребут в очередных «концепциях», где первую скрипку будет играть не совесть, не долг перед павшими, но очередная либерально-монетарная мерзость.

Да, расколов в такой зыбкой среде, как наша интеллигенция, будет еще предостаточно, но не в них дело.

Дело в том, что великий урок Революции и Гражданской войны повторился спустя ровно сто лет – специально для нас.

Сегодня нам кажется, что мы ясно видим врагов: вот они, упоенные нашими мертвыми телами, наслаждающиеся тем, что можно пуститься вразнос, клеймить всех и каждого «совками», лепить издевательские ярлыки, извиваться в неверных лучах предательской славы.

Но не очередная иллюзия ли это?

Нам предоставлен уникальный шанс понять, что есть наша история, каковы технологии расчленения народов на бессмысленные, бодающие друг друга стада, и как чудовищно сложен путь каждого человека к правде.

Если я сегодня надеюсь, то на одно: правду еще могут расслышать, а может быть, через сто лет, когда новые грозы разразятся над нашей землей, наши потомки не будут так убийственно слепы и примитивны, как некогда были мы, чтобы в который раз не принимать свет за тьму.

* * *

Сергей Арутюнов – российский поэт, публицист, литературный критик. Родился в 1972 году в Красноярске, окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Печатается в толстых журналах и литературных изданиях с 1994 года, с 2005 года ведет творческий семинар в Литературном институте им. А. М. Горького. Лауреат премии им. Бориса Пастернака (2004) и некоторых других литературных премий, член редколлегии журнала «День и Ночь» (Красноярск).

Предчувствие

В данном разделе собраны стихи, написанные их авторами в «шоковый» для русской поэзии период 1987–2013 годов – и в полной мере отражающие как целостность, особость и самость Русского мира, так и его неизбежное противостояние миру Запада, «западной» цивилизации в качестве доминирующего над всем человечеством «центра силы». Собственно, подобное миропонимание и является семенем, породившим нынешний феномен Русской Весны. При этом важно не ставить знак равенства между приведенными здесь стихотворениями, многим из которых – годы или даже десятилетия, – с последующими творчеством и жизненной судьбой их авторов.

Светлана Сырнева

Прописи

Д. П. Ильину

*Помню, осень стоит неминучая,
восемь лет мне, и за руку – мама:
«Наша Родина – самая лучшая
и прекрасная самая».*

*В пеших далях – деревья корявые,
дождь то в щеку, то в спину,
в сапожонки дырявые
заливается глина.*

*Образ детства – навеки:
как мы входим в село на болоте.
Вот и церковь с разрушенным верхом,
вся в грачином помёте.*

*Лавка низкая керосинная
на минуту укроет от ветра.
«Наша Родина – самая сильная,
наша Родина – самая светлая».*

*Нас возьмёт грузовик попутный,
по дороге ползущий юзом,
и опустится небо мутное
к нам в дощатый гремучий кузов.*

*И споёт во все хилые ребра
октябратский мой класс бритолобый:
«Наша Родина – самая вольная,
наша Родина – самая добрая».*

*Из чего я росла-прозревала,
что сквозь сон розовело?
Скажут: обворовала
безрассудная вера!*

*Ты горька, как осина,
но превьшие и чести, и срама —
моя Родина, самая сильная
и богатая самая...*

"Корка хлеба ржаного, стакан молока"

На картину Александра Веприкова «Синь и золото»

*Корка хлеба ржаного, стакан молока —
и от этой ничтожности сытость была,
словно чья-то, не зримая нами, рука
клала что-то еще на пустыню стола.*

*Перемётный барак незапамятных лет,
на задворках сарай обветшал и осел.
Его крыша дырява, но в каждый просвет
входит небо – и мир твой по-прежнему цел.*

*Так мы жили, не зная, что можно пенять
на провалы, прорехи, гнильё да былё.
Безотказно спешила душа восполнять,
восстанавливать мир из себя самоё.*

*Нет в России пустот, позабытых полей,
всё надстроено здесь до великих твердынь.
И на месте пропавшей деревни моей —
синь и золото, Саша, берёзы и синь.*

*Видно, так и завещано нам выживать
на холодной земле, на пожелтой траве:
извлекать из пустот, в пустоте вышивать
по начертанной Богом незримой канве.*

*Журавлиная к северу тянется нить,
отступает зима, торжествует весна.
И щедрот иноземных к нам некуда лить,
ибо чаша была и осталась полна.*

Олег Бородкин. Восток и Запад

*Павел Филонов, 1912–1913 гг., бумага, масло, темпера, гуашь,
38,5×42 см*

*восток, конечно, дело тонкое.
но коль
порвётся, то чреват
сплошной резнёю:
брат старший уж и враг,
и просто ноль...
модерн частенько
кажется бронёю,
однако нацодежды
бьет и моль,
и пули, и...
мы все здесь – рыбаки...
Евразия,
пора бы вам очнуться!..
рыб разноцветных
тащим косяки
сетями из воды мы,
и смеются
над нами рыбы:
браво, мужики!*

Иосиф Бродский. На независимость Украины

*Дорогой Карл XII, сражение под Полтавой,
Слава Богу, проиграно. Как говорил картавый,
Время покажет «кузькину мать», руины,
Кость посмертной радости с привкусом Украины.*

*То не зеленек – виден, траченный изотопом,
Жовто-блакытний Ленин над Конотопом,
Скроенный из холста, знать, припасла Канада.
Даром что без креста, но хохлам не надо.*

*Горькой вошни карбованец, семечки в полной жмене.
Не нам, кацапам, их обвинять в измене.
Сами под образами семьдесят лет в Рязани
С сальными глазами жили как каторжане.*

*Скажем им, звонкой матерью паузы метя строго:
Скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.
Ступайте от нас в жупане, не говоря – в мундире,
По адресу на три буквы, на стороны все четыре.*

*Пусть теперь в мазанке хором гансы
С ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.
Как в петлю лезть, так сообщца, суп выбирая в чаше,
А курицу из борща грызть в одиночку слаще.*

*Прощевайте, хохлы, пожили вместе – хватит!
Плюнуть, что ли, в Днепро, может, он вспять покатит.
Брезгую гордо нами, как оскомой битком набиты,
Отторгнутыми углами и вековой обидой.*

*Не поминайте лихом, вашего хлеба, неба
Нам, подавись вы жмыхом, не подолгом не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду,
Кончилась, знать, любовь, коль и была промежду.*

*Что ковыряться зря в рваных корнях покопом.
Вас родила земля, грунт, чернозем с подзюблом,
Полно качать права, шить нам одно, другое.
Эта земля не дает, вам, колунам, покоя.*

*Ой, ты левада, степь, краля, баштан, вареник,
Больше, поди, теряли – больше людей, чем денег.
Как-нибудь перебьемся. А что до слезы из глаза Нет на нее указа,
ждать до другого раза.*

*С Богом, орлы и казаки, гетьманы, вертуханы,
Только когда придет и вам помирать, бугаи,
Будете вы хрипеть, царапая край матраса,
Строчки из Александра, а не брехню Тараса.*

Андрей Домбровский. "Пока пурга звенит всё ниже..."

*Пока пурга звенит всё ниже,
как бы монистами о куст,
мне снится сон. Я сплю и вижу
спокойный пламень Ваших уст.
Но лишь инкаустовым ядом
пересыщается рука,
пока Вы дышите не рядом, —
на том конце материка,
где за оградой ковыля,
ничьих не ведая промашек,
лежит спокойная земля
в негромком пламени ромашек.
Там дурень думкою богат,
там только тень за тенью встанет,
как дед из дудочки помянет
единокровного врага.
И, гетьман армии теней,
Москвой разжалован поныне,
как о покойнице-жене,
я думаю об Украине
и вьюга пахнет чабрецом
и распускается монистом
пред лирником и чернецом,
чей гетьман севером освистан.*

Николай Зиновьев

"У карты бывшего Союза..."

*У карты бывшего Союза,
С обвальным грохотом в груди,
Стою.
Не плачу, не молюсь я,
А просто – нету сил уйти.
Я глажу горы, глажу реки,
Касаюсь пальцами морей.
Как будто закрываю веки
Несчастной Родине моей...*

Не замай!

*Мы песни поём, коль нам плохо.
И плачем, коль нам хорошо.
Да, мы не от мира. От Бога.
Вы нас не замайте ужю.*

*Теснили нас разные орды.
Врывались к нам в сумрак избы
И конские жаркие морды,
И танков холодные лбы.*

*И был в своё время, что НАТО,
Зело популярен Мамай,
И Гитлер, и... Хватит? Не надо?
Ну, то-то. Смотри, не замай!*

Георгий Судовцев. Вторжения

дочери Полине

*Скажу я просто – пусть некстати, —
что вторгся к нам Наполеон,
когда весь цвет российской знати
французским духом был пленен.
Так минул век... Немецкий гений
нас диалектике учил —
и немцев на полях сражений
мы били из последних сил.
Теперь Россию наизнанку
по рынкам тащит «демократ» —
так что, придут с войною янки?
Их одолеть трудней стократ...
Но что всем нужно от России?
Какая тайна есть у нас,
что всякая земная сила
без нас – не сила, власть – не власть?
И троицу, как всем известно,
особо любит русский Бог.
А значит, суждены нам вечно:
Победа, память, новый бой!*

Сергей Загатин. "В сон после лета..."

*В сон после лета,
В душную ночь
Рухну, ресницы прикрою.
Всё, чем пытался себе я помочь,
Прежде чем слиться с землёю:
Неба глотком, хлеба куском
И родниковой водою, —
Корчась от боли,
В родной стороне
Верю, доподлинно знаю —
Будет весна
В сиротелой стране,
Что мне желаннее рая.
Хоть бы глазком
разглядеть, что потом —
вечна ли музыка мая?
Песня допета.
Всё лишнее – прочь!
Дальше – в симфонию света!
Жаль, что не в силах
Себя превозмочь
И дотянуть до рассвета.*

*Что смерть нам?
Пусть светит
Гордая дева – Победа.
Сквозь смерть нам
Пусть светит
Юная дева – Победа...*

Майдан, Одесса, Крым, Донбасс...

«Русская весна» началась в прошлом году с возвращения Крыма. Когда «вежливые люди» практически без единого выстрела освободили полуостров от перспективы необандеровского и ассоциированного с ним крымско-татарского террора. Тогда казалось, что следом за Крымом с Россией вновь воссоединится и Украина – по крайней мере, большая или значительная её часть. Сожжение «майдановцами» в Одессе 2 мая активистов пророссийского движения показало, что легким и быстрым, «по крымскому сценарию», этот процесс не будет, что ядовитый для Русского мира эликсир «украинства» прочно впитался общественным сознание «незалежной». Потом начались боевые действия на Донбассе, фактически – гражданская война: со своими героями и предателями, поэтами и палачами. И под флагом Новороссии, как будто специально повторяющим флаг американской Конфедерации времен Гражданской войны 1861–1863 годов, окончательно оформилась Поэзия Русской Весны. Вечной и священной.

Наталья Лясковская. «Незатёртых слов боезапас...»

За год с небольшим русская поэзия совершила невиданный взлёт, и сейчас переживает явный расцвет. Во многом это явление связано с событиями на Украине. Русские пережили духовный катарсис, который высвободил мощную творческую энергию, нашедшую наиболее полное воплощение именно в поэтическом жанре.

Не успели мы опомниться от противостояния в Киеве, во время которого кое-кто из моих друзей-поэтов, очарованных «романтикой революционной вольницы», мотался на Майдан покричать свои стихи толпе, как со стороны украинцев последовало поэтическое (и политическое) отречение от России и от русских: на всех ресурсах печаталось и звучало стихотворение украинской поэтессы Анастасии Дмыtruk «Никогда мы не будем братьями – ни по Родине, ни по матери!». Впервые так откровенно, с такой неприкрытой ненавистью к России и русским, издавна связанным с Украиной разнообразными узами: родственными, кровными, историческими, политическими, экономическими, культурными, – было заявлено, что украинцы не хотят больше состоять с нами в славянском братстве. Более того, отныне русские и украинцы объявлялись непримиримыми врагами!

Парадоксально, но со стихотворения Дмыtruk, которое вызвало целый шквал «ответов», началось если не поэтическое возрождение, то мощная волна новой, яркой русской поэзии.

Поначалу десятки, а может, и сотни «ответов» Дмыtruk чаще всего соответствовали дилетантскому уровню – примерно такому же, что и стихотворение-провокация. Но было и несколько сильных, запоминающихся, например, Юрия Лозы:

*Вас растили, наверно, не матери,
и – не с сестрами, и не с братьями,
вам фашистскую, чёрную свастику
при рожденье дарили каратели.*

2 мая 2014 г. произошли трагические, страшные события в Одессе: в Доме профсоюзов, где протестующие против Майдана пытались укрыться после столкновения на площади Куликово Поле, погибли люди.

Россия тяжело переживала одесскую трагедию. Для многих «романтиков», до этого дня веривших, что на Украине происходит «благородная революция», 2 мая стало переломным моментом в их жизни: они поняли, как ошибались.

В числе погибших были и поэты – одесситы Виктор Гунн и Вадим Негатуров. Негатуров приехал на площадь, чтобы спасти православные иконы, хранившиеся в палатке-церкви на территории лагеря антимайдана. По дороге случайно Вадим встретился с дочерью, которой отдал ключи от дома и деньги, оставив себе только паспорт. После атаки бандеровцев вместе с другими он оказался в здании Дома профсоюзов. Виктор Гунн погиб в огне, Вадима Негатурова майдановцы выбросили из окна...

*Зубы сжав от обид, изнывая от ран,
Русь полки собирала молитвой...
Кто хозяин Руси: Славянин или Хан? —
пусть решит Куликовская Битва.*

*И сразив Челубея, упал Пересвет,
но взметнулись знамёна Христовы!
Русь Святая! Прологом имперских побед*

стало Поле твоё Куликово!

Так пророчески писал Негатуров незадолго до своей гибели...

Дальнейшее развитие событий на Украине, военные действия в Донбассе породили новое направление русской поэзии, которое стало называться поэзией Юго-Востока.

С мощными стихами выступили признанные мастера слова: Юнна Мориц, Владимир Костров, Новелла Матвеева, Марина Кудимова, Александр Хабаров, Владимир Берязев, Лидия Григорьева, Алексей Ивантер, Ефим Вершин, Александр Кердан, Марина Ахмедова, Марина Саввиных, Виктор Кирюшин, Герман Титов, Светлана Максимова, Владимир Лимонов, Юрий Макусинский, Ирина Ковалёва, Влада Абаимова и многие другие. Привычные слова обретали новое звучание и значение, авторы писали о животрепещущих событиях не без исторических аллюзий:

*Посылает война соратника,
Но щедрота её кратка.
Из разведки четыре ватника
возвращались без «языка».*

(Марина Кудимова «Ватники»)

*Рявкнет очередь с бэтээра,
вспыхнет весело груды шин —
полновесною, лютой мерой
всем отмерится от души...
Украина! Да что ж ты «робышь»,
горе дальше, но — моё?
Из какой неземной утробы
вышло в степи твои — зверьё?
Чёрно-красное, как гангрена,
неразборчивое, как мор...
Гладиаторскою ареной
до каких же ты будешь пор?
Свистнет пуля и мальчик всхлипнет
об отце, что её словил...
Холод смертный легко и липко
гнёзда в нас этой ночью свил.*

(Альгис Микульскис)

Невозможно было молчать, став свидетелем многих преступлений, совершаемых на Украине по приказам киевской хунты, хотя бы раз увидев фотографии умирающей, с оторванными ногами Инны Кукурудзы из Луганска — «горловской мадонны»; убитого на улице при артобстреле священника Георгия Никишова; мальчика Вани, лишившегося ног и руки, спасённого российскими врачами; донецкого врача «скорой помощи» Константина Ставинского, убитого украинским снайпером.

Вся Россия днём и ночью слушала сводки новостей: Славянск, Волноваха, Луганск, Иловайск, Краматорск, Донецк... У многих из нас в этих местах жили и живут (если не погибли в ходе боевых действий или от голода) друзья, родственники. А для меня скоро эти сводки напол-

нились непрестанной тревогой: в Донбасс уехал мой друг, ополченец-поэт Юрий Юрченко. Почему он, благополучно устроенный в жизни, на тот момент – житель Франции, успешный человек, вдруг подался туда, где когда-то родился, и где ныне шли бои? Юра просто и честно сформулировал ответ на этот вопрос в своём стихотворении «Ополченец»:

*Зачем иду я воевать?
Чтоб самому себе не врать,
чтоб не поддакивать родне:
«Ты здесь нужней, чем на войне.
Найдётся кто-нибудь другой,
кто встанет в строй, кто примет бой...»
За это неуменье жить,
не грех и голову сложить!*

С ним перекликается «Баллада о пономаре» Ивана Белокрылова, посвящённая памяти Сергея Журикова, ранее служившего пономарём Киево-Печерской лавры, позже известного под псевдонимом «Ромашка», командира подразделения народного ополчения Славянска, который погиб в ходе карательной операции киевской хунты:

*Полстраны накрыла чёрная хмарь,
гонит с севера пожаров волну...
Как случилось, расскажи, пономарь,
что ты взял да и ушёл на войну?
Сколько в Сумах посходило с ума,
чтобы пропасть между близкими рыть?
Киев пал, и под Черниговом тьма,
и во тьме нельзя про тьму говорить.
Осторожно положил свой стихарь
и затеплил у иконы свечу,
и раскрыл тогда Господь свой букварь,
показал Он, что тебе по плечу...
...Знают все, когда ты пал, пономарь,
и уже не поднимался с земли —
Ты пошёл тропой небесной, как встарь
с Куликова поля иноки шли...
Там Ослябя ныне и Пересвет
горних истин стерегут рубежи.
Если можешь, передай им привет,
как Славянск мы берегли, расскажи...*

О выборе – и стихотворение Ольги Аникиной:

*Электричество вырубил, выключил газ,
взял рюкзак, запер двери – и с Богом.
Человек из Москвы уезжает в Луганск,
он не верит газетам и блогам.
Может, горько ему, может, страшно ему...
И, в нахлынувшей гари закатной,
по железному тросу, в кромешную тьму*

*опускается ящик плацкартный.
А земля накренилась и воздух звенит
между взрывом и визгом картечи.
Как ты хочешь всё это собой изменить?
Что ты можешь один, человеке?*

Очень многое может! И это доказал Юрченко: он работал военным корреспондентом, писал правду о происходящих событиях, его хорошо знали в России, на Украине, во Франции и Германии, ему верили.

В конце августа 2014-го под Иловайском Юрченко попал в плен, выдержал пытки, истязания, несколько раз стоял под расстрелом.

Он всё перенёс с достоинством, чудом выжил, вырвался из плена. Его друзья, я в их числе, боролись за спасение своего товарища доступными нам способами: писали письма с требованием освободить Юрченко в международные организации, публиковали статьи, в том числе и в «Столетии», добиваясь, чтобы нас услышали в Киеве...

Противостояние АТО и ополчения продолжалось. В нашу жизнь вошли аббревиатуры ЛНР и ДНР, а затем – понятие «Новороссия», нашими героями стали стрелковцы. Об этом написал Игорь Караулов:

*«Назовите молодых поэтов», —
попросил товарищ цеховой.
Назову я молодых поэтов:
Моторола, Безлер, Мозговой.
Кто в библиотеках, кто в хинкальных
а они – поэты на войне.
Актуальные из актуальных
и контемпорарные вполне.
...Кровью добывается в атаке
незатёртых слов боезапас.
Хокку там не пишутся, а танки
Иловайск штурмуют и Парнас...*

Зазвучали и сильные поэтические голоса из самой Новороссии: Станислав Минаков, Александра Хайрулина, Анна Ревякина, Ирина Кузнецова, Елена Буевич, Стелла Маслакова и многие другие. Их стихи насыщены военными реалиями, ставшими одновременно будничной рутинной и поднимающие человеческий дух на недосягаемую высоту.

Зачастую они долетают к читателю прямо из окопа, как гранаты, и плечом к плечу рядом с поэтом-бойцом – его славные предки, защищавшие Родину в битвах, и всегда одерживавшие победу!

Эта убежденность: «С нами – правда, с нами – наши прадеды!» – у всех, кто сражается за Новороссию, кто держит оборону в тылу, голодает, рискуя жизнью, доставляет гуманитарную помощь, кто под обстрелами восстанавливает железную дорогу и хлебозавод, пишет стихи, готовится, несмотря ни на что, к мирной посевной:

*...И хотелось сытное в землю бросать зерно,
Зарастай зелёной травой, злобой прорытый ров.
Говорит мне сын: «Вот с этими прадед мой воевал».
Почему у весны опять звериный такой оскал?
Почему слетается вновь черное вороньё?*

Только эта земля моя, а я не отдам моё.

(Борис Бергин «Посевная»)

И Новороссии – быть! Будет, непременно будет всё: необходимые лекарства, пенсии старикам, цветы на клумбах вместо ям и осколков, и дети пойдут в школу, не боясь, что могут не дойти до неё из-за внезапного обстрела...

Как написала донецкая поэтесса Анна Ревякина в цикле «Город До»:

*Пусть живет мой город, не страшась свинца,
Пусть играют дети, и ветер колышет простыни.
А иначе нам придется вписывать в паспорта
Вместо города До мучительный город После.*

И уродится новый урожай. И будет мир. И – новые стихи.

Александр Ананичев. Наша правда

*В который раз из нас творят врага
За то, что наша правда высока
И широко Отечество не в меру...
Что руку мы подняли на Бандеру.*

*Грозят войною – нам не привыкать.
Заливист лай заморских острословов,
Которых мы устали выручать
То от степных, то западных монголов.*

*Мы знаем их. Они – не знают нас:
Какие сны нам сладостные снятся,
Кто нас хранит и в прошлом, и сейчас.
Не знают нас – и потому боятся.*

*Им всё не так: и Сталинград, и Крым,
И русский снег, и правильная вера...
Жалеем их. И, может быть, простим —
Простим тогда, когда добьём Бандеру.*

Сергей Арутюнов

"В лучистом детстве, как на облаке..."

*В лучистом детстве, как на облаке,
Гуртами пастырям сданы,
Резвились радостные олухи,
Царя небесного сыны,*

*И между грезами компотными,
Надеясь, что не пропадут,
Сама земля им стлалась под ноги,
Пружинистая, как батут.*

*Но только волю рассупонили,
Разделись девки догола,
И радужная русофобия
Нацизму руку подала,*

*И вот, забиты телемонстрами,
Всем паром уходя в свисток,
Явились миру девяностые,
И мир скукожился и сдох.*

*Попробуй-ка теперь оправиться,
Не выскочив из естества:
Когда свободе чуждо равенство,
Она и братству не сестра,
При ней постыдно быть солистами
За славу, а не за прокорм,
Ни кучевыми, ни слоистыми,
Как Родина после реформ.*

*Здесь обломали, там обвесили...
Но хлебушек моча вином,
Не каждый ли – сама поэзия,
Когда он мал и невесом,*

*И вслед ему так отрывающе
Дошептывают «...эвоэ»
Его подземные товарищи,
Состарившиеся во мгле.*

"Шептали ль мы на дне изрытом..."

*Шептали ль мы на дне изрытом
Слова любви,
Когда, отброшенные взрывом,
На грунт легли?
Но кто б мечтой не соблазнился
И смерти ждал,
Вперяясь в мертвые глазницы
Приборных искал?
Часы текли, и каждый грезил,
В борта стучась,
Что ищет нас патрульный крейсер,
Уход, санчасть.
Когда работа черновая,
Хорал кувалд,
Куда там длить очарованье —
Прервать бы гвалт.
Но чуть реактор залатали,
И шов за швом
Погода стала золотая.
Улегся шторм.
Еще столетье будет сниться,
Подслеповат,
Рассвет, баюкавший эсминцы,
И снегопад,
Рулады флотского ансамбля,
Что нас встречал,
И вахтенного тень косая
Через причал.*

"Только зиму и помню..."

*Только зиму и помню,
Только зиму и помню одну.
Как по минному полю,
По проталинам вешиным иду.
Ни о чем не жалею.
Той же крови, что всякий в строю,
Укрывался шинелью,
Шел по бритвенному острию.
Уходя, попроцайся —
Вот и все, что мы в книгах прочли.
Но как в детстве, о счастье,
Гомонят золотые ручки.*

*И намного предметней
Талых вод, обреченных веслу,
Мой сынишка трехлетний
Изумлённо глядит на весну.*

"Туда, где беспечное солнце блудит..."

Александру Орлову

*Туда, где беспечное солнце блудит
И облака реет крахмал,
Мы ехали молча, солдат и бандит,
И дождь нам по стёклам кропал.*

*О том, кто чеканил, как лист – хлорофилл,
Бренды «ЛогоВАЗ»-«Евросеть»,
Но так ли, как мы, он друзей хоронил,
Уйдя в депутаты борзеть?*

*В Тойоте, похожей на старый баширак,
Покрытой шершавой корой,
Мы выстояли на своих рубежах,
А дальше – учёт и контроль.*

*Сверяйте по спискам, бандит ли, солдат,
Кого погубил или спас.
Но полнился духом иль был пустоват,
Господь разберётся без нас.*

"Дёрнешь «Примы» за магазином..."

*Дёрнешь «Примы» за магазином,
И пригрезится в пять минут,
Будто в зареве негасимом
Годы прежние вспять идут.
И покажется – неужели
Так бессмысленно коротка
Эволюция униженья
Престарелого городка?*

*Вместо слогана – пыльный лозунг.
Это в космос кидает клич
Детской памяти отголосок,
Дорогой Леонид Ильич.
Слава утру! Врагов угробив,*

*Горделивая, как балет,
Марширует страна героев,
Боевых, трудовых побед.*

*И опять, как на всём Востоке,
Кучковаты до тесноты,
Олимпийские новостройки,
Поликлиники, детсады.
И колец – как лучей, как будто
Ветеранам под шестьдесят,
И ликующему кому-то
Тополя стеной шелестят,
И, немотствуя в отраженьи,
Проржавевший скрипит шарнир:
Жив и дед в ледяной траншее,
И отец, объяснявший мир.
И, покрытый золой и пеплом,
Ты вернёшься, насквозь пробит,
К фотографиям чёрно-белым,
Где неистовый век трубит.*

Россия

*Вот идёт она от илагбаума
Мимо спящих в пыли дворняг
Под мотивчика пошловатого
Примитивно тупой верняк,
В драных трениках, блёклой маечке,
Наблондинена, подвита,
И гадают бухие мальчишки,
Где там ижсица, где фита,*

*А не надо, заиндевелише:
Под пшеничку вошла куколь.
Те стреляли, а эти вешали,
Только разницы никакой.
Здесь не росчерк, а фальшь факсимиле,
Как в салонах ни процедура:
Проступает печать насилия
Синяками сквозь поцелуй.*

*В Бургер-Кинге ли, Баскин-Роббинсе
Те же самые окружают,
Посочувствуют – оскоромился,
Присоветуют оранжад.
Но не слякотными обидами,*

*А лишаем на лишае
Дышит муза моя убитая,
Горевавшая лишь по мне.*

*Так давай же, крути, проматывай,
Заговаривай полухворь,
Этой кровушки цвет гранатовый,
Этой касочки – полевой.
Покажи нам вторую серию,
Муза русская, дуй в свирель.
Бедный дом наш, увитый зеленью,
Чем обугленной, тем светлей.*

"Там, где жгут мои книги..."

*Там, где жгут мои книги, выкрикивая «Ужо!»,
И за здоровье молятся там же, слегка поодаль,
Где для русских цыган я, а для цыган гаджо,
Ты, штатива не ставя, просто меня пофотай.
Будет мокрым асфальт и небо серым-серо,
Будто луч никогда не касался панельных секций
И над овощебазой только что рассвело
И заныло в груди хрящеватое солнце, сердце ль.*

*Здесь без разницы, кто ты, заводчик иль конокрад.
Просто те ненавидят этих, и вся морока,
И туманно похожий на шестерню коловрат
Попирает кресты с ухмылкой оксюморона.
Говорят, постмодерн: зазеваешься – украдут
Или как-то иначе навалятся и обманут.
Не тебя ли заждался в казённых дождях травмпункт,
Замерзая в унылых московских снегах, как мамонт?*

*...Как тебе это фото, не слишком ли ярок фон,
Где за счастьем вселенским идут и идут колонны?
Это ль братья мои на первенстве мировом,
То черны, как смола, то, как вымя, бритоголовы?
Но пока они эту раздвоенность усекнут,
Можно сгрызть удила и умчаться в родные степи.
Полукровкина участь расчислена до секунд:
Ни секунды единой ни с этими и ни с теми.*

Русской весне

От Заречья до самых Раменок,

*Тех, откуда судьба звала
В социальную сеть ограбленных,
Отодвинутых от стола,
По апрельской земле коричневой
Ветры буйные распластав,
Отдает ледяной опричниной
Серый вереск погранзастав.*

*Как оке будет – надолго ль, накрепко ль?
Европейский ли содомит
Нефтеугольной вспыхнет Африкой,
Снежной Арктикой задымит?
Не бубоны б теперь отыскивать,
Мертвых прадедов укорять,
А от скотства поправить изгородь,
И не наново – вдругорядь.*

*В этом городе, ломком, путаном,
Словно Отче Наш, заучу,
Светоносную степь над Бутовым,
Либеральную к сволочью,
Потому что Вселенной родственны
И чужим языкам горьки
Русских вёсен седые отсветы,
Звездапалье огоньки.*

"Когда их жгли, в Москве была жара"

*Когда их жгли, в Москве была жара,
Струился воздух, плавилась кондеи,
И жизнь текла, едва полужива,
Почти такой, какой ее хотели,*

*Разрублено шипела рыба́я плоть,
Горячим спиртом жегся каждый продых
И силился сознание пропороть
Больничный кафель в красноватых ромбах.*

*Поскрипывая в духе арт-нуво,
Катились дни, ленивы и прекрасны,
И не было среди них ни одного,
Кто был солдат и выполнял приказы.*

*Никто из них не грел щекой приклад,
Ушей не зажимал, не выл спросонок
В чаду моторизованных бригад
На месте друга находя кроссовок.*

*Ветвей древесных зыбкие клеиши,
И зябкий пух, и тени на фасаде
Познали мы в тот миг, пока их жгли,
И пламя тихо подступало сзади.*

"Судьбу просиживая сиднями..."

*Судьбу просиживая сиднями,
Не стали ни мудрей, ни старше,
Годами пялясь в небо синее,
Людской подверженное саже.
О, где ж ты, где ж ты, время летнее,
В каких запряталось новинах,
Когда покой – не привилегия,
Но достояние невинных.*

*Что раны? Резаным и колотым,
Смердеть им, под бинтами преля,
Как вестникам летать по комнатам,
Седые сбрасывая перья.
От клетотания и кликанья
Сползти бы в темень, будто аспид,
Пока земля, от крови липкая,
Стеной встаёт и тут же гаснет.*

*Готовься же. Клыки оскаливай,
Язык вывешивай багровый,
Пока над пустошью асфальтовой
Стожары грохают авророй,
И зной такой, что тухнут заводи,
Хоть освежителей попишкай,
Когда бомжиха крестит ауди,
И крест восходит над бомжихой.
Так снарядите, препоясайте
Парных – и парных, и непарных,
Сцедив с души тоску по ясности,
Чреватую телами в парках,
Чтоб на визира пленке радужной
Запечатлелись в назиданье
И пикировицки над ратушей,
И хрип в расстрелянном седане.*

"Теперь не до танцев, милая"

*Теперь не до танцев, милая, не до песен.
Пока не в дыму мы, но роза ветров не с нами.
Война за стеной уже шепчет мне – будь любезен,
Забудь о себе, как турок в своем исламе.
Неужто придется вспомнить, чему учили?
Когда оглушат повестками в одночасье,
Останется залпом дёрнуть по мокаччине,
Друг в друга вдохнув – не жди меня – возвращайся.*

*Я так это вижу, словно прошло три года,
И ты отвлеклась, не дав никаких намёток
Писателям книг о гибели патриота,
Таких же, как я – несбывшихся, полумёртвых.
Смолчит обо мне и пепельный жар архивов,
Где тайн-то всего, кому проиграли Доджерс,
Не им повторять, от пламенных од охрипнув,
Ни имя моё, ни звание и ни должность.*

*Лишь тени моей не будет успокоенья,
Пока на ветвях, безвременьем закалённых,
Гневливее льва, священнее скарабея,
Не пискнет вороной раненый соколёнок —
Тогда среди аллея, златым сентябрём объятых,
Досаду неся чрез всю бытия порнушиность,
Ты вздрогнешь с колец гортани до самых пяток,
И тихо пройдешь, на птицу не обернувшись.*

Моему Донбассу

*Прощаешь и содом, и запустенье,
Когда, истерзан бесконечным сном,
Недели две не в силах встать с постели,
Лежит январь, предсмертно невесом.
А день уже прибавился немного,
И, неба задымленного густей,
Скрипит заслонкой царствия дневного
Холодный свет зеркальных плоскостей.*

*И вдалеке, где отмели песчаней
Курантов, что фатально отстают,
Сквозь череду надежд и обещаний
Просвечивает некий абсолютом.
И в дверь его уже не постучатся,
В сенях не снять вакульных черевик;
Гармония природы безучастна
К людским стадам и назначенью их.*

*Но чьей бы плотью дух не облакался,
В нем каждый атом вечно выжидал,
Когда отпавший примет, как лекарство,
Рябящего экрана высший дар
И тот язык, лепечущий суконно
Змеиные слова – «гноись, иовь»,
И колокол, подвешенный за горло,
Боднувший воздух и умолкший вновь.*

"Пристанционным дребезгом звуча"

*Пристанционным дребезгом звуча,
То в лихорадке буйной, то в истоме,
Истаявшим, оплывшим, как свеча,
Долбил февраль окно моё пустое.
И тихий кашель, что царапал свод,
Напоминал так неопровержимо,
Что каждый семьянин рожден как скот,
И плесневелый хлеб – его вершина.*

*Среди судеб крикливых и кривых
Металась явь, плыла рассвета хорда,
И млечный путь, что ко всему привык,
Сочился неизбежностью ухода,
Крушил панели звуковой прибор,
И раззвонившись, словно к возгоранию,
Трамваи разгонялись по прямой,
Отпихивая фуру эскулапию.*

*Переживая транспортный коллапс
И мглу Москвы, что ныне окаянна,
Гремел замками магазин колбас,
Поддельных, как улыбка Микояна.
А винный через дверь уже пылал.
Походками слепцов туда входили
Сражённые похмельем наповал
С культянками в прогорклом никотине,*

*Хватали за рукав – куда спешим?
Но что бы ни ответил им двойник мой,
Февральской гопоте недостижим,
Кружился дух с возлюбленной энигмой.
И этим был обязан не стихам,
Тем более не старцам и сусаннам,
Но лишь тому, что горлом постигал
В лучах весны и счастье несказанном.*

Ирина Белоколот. Бывшей подруге

*Как живётся, дорогая? Как там дышится —
В стольном граде златоглавом на Днепре?
Спится сладко? Вкусно естся? Умно пишется?
Безопасно в я-не-вижу-кожуре?
Отдала ли сына ты в «могилизацию»?
«Эсэмэсила» на танки и кевлар?
Носишь борщик на майдан и кормишь «нациков»?
И приветствуешь бомбёжки и пожар?
Как живёшь, подруга-экс? Какими думами?
Сбиралась в гости... Передумала, поди?..
Птицы мира бьются в кровь стальными клювами
Лишь булыжник глух в бестрепетной груди...*

Иван Белокрылов. Баллада о пономаре

Памяти Сергея Журикова¹

*Полстраны накрыла чёрная хмарь,
Гонит с севера пожаров волну...
Как случилось, расскажи, пономарь,
Что ты взял да и ушёл на войну?
Сколько в Сумах посходило с ума,
Чтобы пропасть между близкими рыть?
Киев пал, и под Черниговом тьма,
И во тьме нельзя про тьму говорить...
Осторожно положил свой стихарь,
И затеплил у иконы свечу,
И раскрыл тогда Господь свой букварь,
Показал Он, что тебе по плечу...
Мы тебя ещё помянем не раз...
Мы сгоревшие отстроим дома...
Посмотри же, Сергей, с неба на нас,
Чтобы в Славянске рассеялась тьма...
Знают все, когда ты пал, пономарь,
И уже не поднимался с земли —
Ты пошёл тропой небесной, как встарь
С Куликова поля иноки шли...
Там Ослябя ныне и Пересвет
Горних истин стерегут рубежи.
Если можешь, передай им привет,
То, как Славянск берегли, расскажи...*

¹ Сергей Журиков, известный под псевдонимом «Ромашка», – командир подразделения народного ополчения Славянска, погиб 2 мая в ходе карательной операции киевской хунты, ранее служил пономарём Киево-Печерской Лавры.

Галина Березина. "Поутру, по огненному знаку..."

*Поутру, по огненному знаку
пять бронемашин ушли в атаку...
Стало чёрным небо голубое.
В полдень приползли оттуда двое.
Клочьями с лица свисала кожа,
руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
на руках снесли до медсанбата,
молча у носилок постояли —
и ушли туда, где танки ждали...*

Любовь Берзина. "Собакою завыл снаряд..."

*Собакою завыл снаряд,
Упал, взорвался.
И ты ушёл на небо, брат,
А я – остался.*

*Лежу, засыпанный землёй,
В крови и пыли.
Мы вместе уходили в бой,
Нас разделили.*

*Вверху – заплаты облаков,
И солнца дуло.
Не ветром – памятью веков
С полей подуло.*

*Там были те же облака,
И то же небо.
Убила братская рука
Бориса с Глебом.*

*Мне тополь, сбросивший наряд,
Главой кивает.
Один ушёл на небо брат,
Другой – стреляет.*

*И смотрит, от волненья бел,
Сквозь луг туманный
Мне прямо в душу сквозь прицел
Брат окаянный.*

Владимир Берязев. "Это путь от ножа до ножа..."

«И комиссары в пыльных шлемах...»

*Это путь от ножа до ножа,
До прорубленной танком межи,
За которой – плески «калаша»
На помин отлетевшей души.*

*Если против кого-то дружить,
Стиснув зубы, сцеплением рук...
Нам гражданскую не пережить,
Не утративши Родины, друг.*

*Обезлюдела русская степь,
Нет деревни в дали за рекой.
Если эта последняя цепь
Разомкнётся – не свяжем другой,*

*И тогда комиссары ЕС,
К мёртвым лицам безусым склонясь,
Разверстают Московию без
Нас – уже ничего не боясь.*

Никита Брагин. "Принеси же из стольного Киева..."

*Принеси же из стольного Киева
крестик медный, крупинку святыни,
и судьбиной своей обреки его
на дороги, просторы, пустыни,
и на север, в леса заповедные
отправляясь путем всей земли,
сохрани, как молитву заветную,
и печали свои утоли.*

*И когда совершится неправо
расторжение крови и веры,
и когда над Печерскою Лаврою
в грозной хмари завоют химеры, —
ничего не добьются преступники
в черном аде костров и костей,
потому что душа неприступнее
всех утесов и всех крепостей.*

*Потому что ни кровью, ни копотью
не замазать пресветлого лика,
и бесовскому свисту и топоту
не прервать литургии великой, —
не бывает Господь поругаем,
и во тьме не смеркается свет...
Помолись за спасенье Украины,
даже если спасения нет.*

Максим Бурдин. "Иногда, возвращаясь с прогулок..."

*Иногда, возвращаясь с прогулок,
пропитанный воздухом своей Родины,
я представляю, что попал под пули,
под удары снарядов «Град». Вроде бы
выжил. Лежу в крови, задыхаюсь, сглатываю;
боль пронзает все тело – так явственно...
Хочется мне надеть форму парадную,
такую же, в какой хоронят ангелов из Славянска.
Фильм о трех сотнях спартанцев мы все видели.
История повторяется, но эти парни
вдруг встали перед серьезным выбором,
из простых рабочих превратились в профессиональную армию.
Один против тысячи, тысяча против сонма; каждый
из них находится на волоске от смерти.
Вы посмотрите, как шутят они бесстрашно,
под минометным обстрелом. Черти —
те, которые пришли к ним с мечом, а не те, что
водятся в мифах разных народов мира,
уверенны в своей победе: и, конечно,
уверенны в том, что за ними правда, ведь за ними – сила.
Пусть эту мысль размусоливают и тешат
ею свои головы, глотки – пусть скопом пируют!
Ангелы из Славянска – не орел и решка,
не монетка, выброшенная под пули.
Ангелы из Славянска – это плеяда героев новых.
Это, возможно, ты, или я, или твои знакомые...
Это люди, не захотевшие надеть оковы,
которые предпочли оковам венцы терновые.
И они погибают. Но отчетливо слышно из уст их:
«Коломойский, Порошенко, Ярош, Тягнибок, иже с вами,
я родился русским, был русским, и я умираю русским.
Потому победим. Русские всегда побеждают!»*

Александр Вулых. Еще раз о покаянии

*Пока еще не прожит век,
И водка пьется без закуски, —
Покайся, русский человек,
За то, что ты родился русским!*

*Покайся, вены вскрой гвоздём,
С горилкой поцелуй бутылку,
Потом, как Троицкий Артём,
В эстонскую отправься ссылку,*

*И бей себя по голове
Руками до остервененья
За то, что в городе Москве
Ты жил до этого мгновенья,*

*За то, что Путина под суд
Не отдаешь ты каждый вечер,
За то, что «боингу» маршрут
В могилу проложил диспетчер,*

*Ты – русский, значит – виноват,
Что даром газ не шлешь в Европу,
Что ты, несчастный колорад,
Пиндосов не целуешь в жопу,
Что нагло Крым украл, и вот
Не выполнив обам приказы,
Шестой американский флот
Остался без военной базы!*

*Ты виноват во всех грехах,
Которыми смердит планета, —
Поскольку на твоих руках
Лежит ответственность за это!*

Максим Замшев. "Не хочу я, чтобы Балаклава..."

*Не хочу я, чтобы Балаклава
Логовом стала чёрта.
Не хочу я, чтобы наша слава
В море тонула Чёрном.
Не хочу я, чтобы сны без веры
Были полны печали.
Не хочу я, чтобы псы Бандеры
Русскую кровь лакали.
Что я хочу?
Чтобы наши танки
Плыли дорогой лунной.
Что я хочу?
Чтоб убрались янки
Снова в свои салуны.
Мать городов русских – вечный Киев,
Где твоя статъ и гордость?
Ты не грусти, мы тебя не кинем,
Шаг наш, как прежде, твёрдый.
С нами Господь, справедливость с нами,
Жизнью живём былинной,
Чтоб на Майдане сияло знамя,
Общее с Украиной.*

Игорь Караулов. «Назовите молодых поэтов...»

*«Назовите молодых поэтов», —
попросил товарищ цеховой.
Назову я молодых поэтов:
Моторола, Безлер, Мозговой.
Кто в библиотеках, кто в хинкальных
а они – поэты на войне.
Актуальные из актуальных
и контемпорарные вполне.
Минометных стрельб силлабо-тоники,
рукопашных гибельный верлибр.
Сохранит издательская хроника
самоходных гаубиц калибр.
Кровью добывается в атаке
незатертых слов боезапас.
Хокку там не пишутся, а танки
Иловайск штурмуют и Парнас.
Не опубликуют в «Новом мире» их,
на «Дебюте» водки не нальют.
Но Эвтерна сделалась валькирией
и сошла в окопный неуют.
Дарят ей гвоздики и пионы,
сыплют ей тюльпаны на крыло
молодых поэтов батальоны,
отправляясь в битву за село.
Есть косноязычие приказа,
есть катрены залповых систем,
есть и смерть – липучая зараза,
в нашем деле – главная из тем.*

Виктор Кирюшин. Донбасс 2014

*Срезана пулей рябины макушка,
Втоптаны в ржавую грязь семена.
Бьёт миномёт.
И кукует кукушка.
Дни или годы считает она?
Может, вот здесь, у разбитой котельной,
Пламенем адовым вспыхнет зенит,
Мир пошатнётся, и крестик нательный,
Мамой подаренный, не сохранит?
Не упасёт от беды, как бывало,
В этом непереносимом огне...
Что ж ты, кукушечка, накуковала?
Что ж ты в сердцах напорочила мне?
Молча шагаем леском предрассветным.
Где, за каким затаился кустом
Брат мой и враг мой, с таким же заветным,
Мамой надетым нательным крестом?*

Ирина Ковалева. Украина

*Устраняя всех мыслящих ино-,
Затывая им пулями рот,
Бес железным прутом, Украина,
Гонит в пекло твой бедный народ.
Хочет им, как фигурками нэцке,
В адский ящик сыграть на «ура».
В Краматорске, Луганске, Донецке
Кто-то не доживет до утра.
Чтоб тебя, с рушником на тарелке,
Грозди шин, баррикад оргалит
Проглотить, на одесской горелке
Сорок душ, как в Дахау, спалить,
Беспредел мирового приматства
Утверждая от дома вдали,
Чтоб, забыв про славянское братство,
Все кричали: «Хохлы!» – «Москали!»
Кто не скачет – тем двигают козни:
Смерть смешать им, в бутылки разлить!
Бесы братоубийственной розни
Спят и видят, как нас разделить.
Но пойдут они полем и лесом
Дров, наломанных ими, и пней:
Ведь вражда, возбуждённая бесом,
Богом данной любви не сильнее!*

Алексий Космос. "Горит земля в дебальцевском «кармане»..."

*Горит земля в дебальцевском «кармане»...
Здесь мой рубеж! Здесь Родина моя!
Я сотни раз умру на поле брани —
И сотни раз воскресну снова я!*

*Да, я – бессмертен! Я ведь русский воин!
Да, я – герой! И дух мой – как броня!
Я – победитель! Я по-русски скроен!
Здесь мой рубеж! Здесь Родина моя!*

*Наступит мир – и снова мы вернёмся
К обычной жизни – шахты и поля!
И, видит Бог, счастливо улыбнёмся:
Здесь – Русский мир! Здесь – русская земля!*

Марина Красильникова. "Я была ученицей примерно..."

*Я была ученицей примерно,
Вместе с сотней других детей
О войне, как и вы, наверное,
Знала только из новостей.*

*Я не знаю, всех ли увижу я
Этой осенью снова за партами:
Расплатились многие жизнями
За судьбу политической карты.*

*Я не знаю, какими законами,
По каким таким чёрным правилам
Нас, родные когда-то народы,
Ненавидеть друг друга заставили.*

*Вновь попросят писать сочинение.
Как же я провела это лето?
Я в слезах, с комом в горле, волнением
В своих мыслях ищу просвета.*

*Мне о чем написать с красной строчки?
О подвалах, где мамы нас прятали?
Шуме танков и днём, и ночью?
Лужах крови, что с раненых капали?*

*Написать, может, в красках о взрывах,
Диком страхе, про минный обстрел?
Про молитвы «спастись!» в перерывах,
И о тех, кто спастись не сумел?
Спи, страна! Без попыток проснуться
Угодила ты в злые сети,
Никогда к тебе не вернуться
Поседевшие в детстве дети.*

*Ну, а я, обычная школьница,
Сочинением увлечена,
Здесь пишу, чтобы вам запомниться:
«Моё лето украла война!»*

Марина Кудимова. Ватники

*Посылает война соратника,
Но щедрота её кратка.
Из разведки четыре ватника
Возвращались без «языка».*

*Не контрактники и не штатники,
Не прошедшие инструктаж,
На манер пропаганды – ватники,
Хоть обряжены в камуфляж.*

*Ночь не треснула перестрелкою
И с врагом не столкнула в лоб.
Ватник держит осколки мелкие,
А от крупных спасёт окоп.*

*По дороге от виноградника
До ближайшего блокпоста
Убедились четыре ватника,
Что небесная ткань чиста.*

*На лоскутья она не делится,
А поделится – вмиг сошьют.
Только шёлковой зыбью стелется,
Как спасательный парашют.*

*Нет у междоусобий линии,
Смерть минувшего не вернёт,
Плащаницей этой синею
Тело жёсткое обернёт.*

*Как здесь танки понаворочали —
И куда лежать головой?
Кровью мокнет по Новороссии
Чернозём её даровой.*

*Над донецкою степью пуганой
Кропивянка поёт судьбу.
Ватник пылью пропитан угольной —
Не смывается и в гробу.*

*Кровь пробьёт покрова холстистые,
Запечётся – не разорвут...
Это «русскою реконкистою»
СМИ речистые назовут.*

Бабка Лидка². Прощание Славянска

*Знаю я, что будет дальше,
как продлится этот час:
вы детей убьете наших,
хорошо, что только раз.
А потом придет хана вам.
Время – сеять, время – жать,
по оврагам и канавам
снова мертвыми лежать.
Вперемешку, вместе с нами,
адский впитывая зной, —
с дочерями, сыновьями
бывшей Родины одной.*

² Бабка Лидка (Лидия Степановна Купцова) родилась 3 января 1941 года в Омске. Родом из амурских казаков. Училась в культпросветучилище. В конце 60-х два года специализировалась на выпуске швейных изделий (ватники, рукавицы). Разнорабочая. Без определенного места жительства. Православная.

Наталья Лясковская. "А вдруг это не я убита под Донецком..."

*а вдруг это не я убита под Донецком
в овраге у куста роса на волосах
и кофточка моя и рюкзачок простецкий
и мой нательный крест и стрелки на часах
стоят на пять ноль пять как раз сверкнуло солнце
когда снаряд влетел в отцовскую «газель»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.